

Связь веры в справедливость с типичностью комплементарных стереотипов богатых и бедных

Улыбина Е.В.

**ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ФГБОУ ВО РАНХиГС),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com**

Антонова А.А.

**ООО «МЕГАСПОРТ»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3658-6069>, e-mail: anastasiacherbina@gmail.com**

Цель. Анализ вклада комплементарных (КС) и некомплементарных стереотипов (НКС) и оценки их типичности в уровень веры в справедливый мир (ВСМ) у работников коммерческих (КО) и некоммерческих организаций (НКО).

Контекст и актуальность. Увеличивающееся экономическое неравенство делает актуальным изучение связи оценки мира как справедливого с отношением к богатым и бедным. Согласно теории оправдания систем Дж. Джоста люди мотивированы поддерживать статус-кво, в том числе и за счет опоры на КС, объединяющие желательные и нежелательные качества в одном образе. Исследование А. Кея и Дж. Джоста (2003) показало, что актуализация КС несчастных богатых и счастливых бедных повышает уровень оправдания систем. Однако характер воздействия КС и НКС на веру в справедливость в зависимости от начального уровня ВСМ и вклад субъективной оценки типичности КС и НКС в уровень ВСМ остаются слабо исследованными.

Дизайн исследования. Использовался двухфакторный план анализа вкладов актуализации стереотипов и места работы в уровень шкал ВСМ. В работе изучались зависимость уровня шкал ВСМ от места работы респондентов, условий заполнения опросника (после актуализации КС, НКС и без чтения текстов) и относительный вклад в уровень шкал ВСМ условий заполнения опросника и оценки типичности. Методом дисперсионного анализа сравнивался уровень ВСМ у групп работников КО и НКО при разных условиях заполнения. Методом регрессионного анализа оценивался вклад пола, возраста, места работы, оценки типичности КС и НКС в уровень ВСМ.

Участники. 260 человек, из них 130 работников некоммерческих организаций, 130 работников коммерческих организаций, средний возраст — 36 лет.

Методы (инструменты). Визюетки с описанием КС и НКС, опросник ВСМ (С.К. Нартова-Бочавер и др., 2013).

Результаты. У сотрудников НКО уровень обеих шкал ВСМ снижается при актуализации НКС, у сотрудников КО — незначимо повышается при актуализации КС по отношению к фону. Уровень ВСМобщ определяется только оценкой типичности КС. Ни один из рассмотренных предикторов не вносит вклад в ВСМличн.

Основные выводы. ВСМобщ определяется субъективной оценкой типичности КС. Низкий уровень ВСМ увеличивается при актуализации КС, а высокий снижается при актуализации НКС.

Ключевые слова: вера в справедливый мир, комплементарные стереотипы, теория оправдания систем, благотворительность.

Для цитаты: Улыбина Е.В., Антонова А.А. Связь веры в справедливость с типичностью комплементарных стереотипов богатых и бедных // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 51–69. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130104>

Relation of Belief in Justice to the Typicality of Complementary Stereotypes of the Rich and the Poor

Elena V. Ulybina

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com

Anastasiya A. Antonova

LLC “MEGASPORT”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3658-6069>, e-mail: anastasiacherbina@gmail.com

Objective. *Analysis of the contribution of complementary and non-complementary stereotypes and assessing their typicality in the level of belief in a just world (BJW) among employees of commercial and non-profit organizations.*

Background. *Increasing economic inequality makes it relevant to study the relationship between the assessment of the world as just and the relationship to the rich and poor. According to the theory of system justification by J. Jost, people are motivated to support the status quo, including by relying on complementary stereotypes that combine desirable and undesirable qualities in one image. Research by A. Kay and J. Jost (2003) has shown that actualizing complementary stereotypes of the unhappy rich and the happy poor increases the level of the acquitting of systems. However, the nature of the impact of complementary stereotypes and non-complementary stereotypes on the belief in justice, depending on the initial just-world belief level, and the contribution of subjective assessment of the typicality of complementary stereotypes and non-complementary stereotypes to the just-world belief level remains poorly studied.*

Study design. *A two-factor plan was used to analyze the contributions of the actualization of stereotypes and the place of work to the level of the just-world belief scales. The paper studied the dependence of the level of the just-world belief scales on the place of work of the respondents, the conditions of filling the questionnaire (after actualization of complementary stereotypes, non-complementary stereotypes, and without reading the texts), and the relative contribution to the level of the just-world belief scales of the conditions of filling the questionnaire and assessing the typicality. The method of analysis of variance was used to compare the just-world belief level in groups of employees of commercial and non-profit organizations under different filling conditions. Regression analysis was used to assess the contribution of gender, age, place of work, and the assessment of the typicality of complementary stereotypes and non-complementary stereotypes to the just-world belief level.*

Participants. *260 people, including 130 employees of non-profit organizations, 130 employees of commercial organizations, the average age was 36 years.*

Measurements. *Vignettes with descriptions of complementary stereotypes and non-complementary stereotypes, the just-world belief questionnaire (S.K. Nartova-Bochaver et al., 2013).*

Results. *For non-profit organizations employees, the level of both just-world belief scales decreases at non-complementary stereotypes actualization; for commercial organizations employees, it increases slightly at complementary stereotypes actualization in relation to the background. The level of BJW-others is determined only by the assessment of the typicality of complementary stereotypes. None of the considered predictors contributes to the BJW-self.*

Conclusions. *The BJW-others is determined by a subjective assessment of the typicality of complementary stereotypes. The low level of BJW increases at complementary stereotypes actualization, and the high level of BJW decreases at non-complementary stereotypes actualization.*

Keywords: *belief in a just world, complementary stereotypes, systems justification theory, charity.*

For citation: Ulybina E.V., Antonova A.A. Relation of Belief in Justice to the Typicality of Complementary Stereotypes of the Rich and the Poor. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 51–69. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130104> (In Russ.).

Введение

Социальные системы в подавляющем большинстве случаев имеют иерархическую структуру, предполагающую более или менее выраженное социальное и экономическое неравенство. Эти структуры обладают высокой степенью устойчивости, в том числе и, как утверждает теория оправдания систем Дж. Джоста, за счет потребности людей считать сложившееся положение вещей хорошим даже вопреки своим интересам [24]. Для удовлетворения этой потребности люди используют различные стратегии, состоящие как в преобразовании образа реальности, так и в активном воздействии на реальность.

Стратегии сохранения веры в справедливость в теории М. Лернера

Согласно теории веры в справедливый мир М. Лернера [27; 28; 29] люди стремятся сохранить образ справедливого мира, построенного на правилах, нарушение которых наказывается, а соблюдение — вознаграждается, прибегая как к нерациональным стратегиям, когда страдания невинной жертвы объясняются виной самой жертвы, так и к рациональным, стараясь изменить реальность в лучшую сторону. Обвинение жертв используется в основном по отношению к ситуациям, которые уже нельзя изменить, а рациональные страте-

гии применяются по отношению к тому, что изменить можно — например, усердно трудясь, соблюдая закон и помогая нуждающимся [29]. В результате люди с высоким уровнем ВСМ по единой шкале [34] не только обвиняли тех, кому не повезло, но и с большей вероятностью оказывали помощь жертвам ДТП [13] и, в целом, демонстрировали предрасположенность к участию в волонтерстве [17].

Дальнейшие исследования показали, что двойственность веры в справедливость, проявляющаяся как в обвинении жертв, так и помощи нуждающимся, дает возможность выделить в качестве отдельных факторов веру в справедливость для себя ($ВСМ_{личн}$) и для всех ($ВСМ_{общ}$) [30]. Хотя эти факторы имеют высокий уровень прямой связи друг с другом как в англоязычном, так и в русском варианте [32], и оба они прямо связаны с межличностным доверием и религиозностью [10], с политическим доверием для российской выборки [2], однако их функционирование несколько различается. $ВСМ_{общ}$ действительно прямо связана с обвинением жертв [8] и негативным отношением к тем, кому не повезло (см. обзор [23]). Люди, верящие, что мир в целом справедлив, склонны к формированию упрощенной картины мира и простым объяснениям происходящего, что проявляется, например, в поддержке конспирологических теорий [6]. $ВСМ_{личн}$ связана с позитивным взглядом на реальность и веру в будущие достижения [36],

с ощущением субъективного благополучия [30; 31], уровнем добросовестности как диспозициональной черты Большой Пятерки (метаанализ [33]), честностью [36], с постановкой социальных целей, которые требуют отказа от непосредственного личного интереса [9], и участием в благотворительности [11; 12; 23].

Комплементарные стереотипы как механизм поддержки веры в справедливость мира

В теории оправдания систем Дж. Джоста [24] в качестве дополнительного по отношению к теории М. Лернера механизма сохранения образа справедливой социальной реальности рассматриваются комплементарные стереотипы. Согласно модели содержания стереотипов, предложенной С. Фиск и коллегами [22], комплементарные стереотипы выстраиваются на совмещении в одном образе как желательных, так и нежелательных качеств, наделяющих представителей низкостатусных групп позитивными характеристиками, компенсирующими неблагоприятное, а членов высокостатусных — некоторым изъяном, что поддерживает представление о том, что никто не получает всего, смягчает зависть к успешным и повышает достоинство тех, кому не повезло [19; 22]. Комплементарные стереотипы разделяются представителями и высокостатусных, и низкостатусных групп, что способствует консенсусу в обществе, поддерживая сложившуюся социальную систему менее агрессивно и более социально желательно, чем описанный М. Лернером феномен обвинения невинных жертв [25; 26]. КС имеют кросс-культурный характер, их содержание не зависит от оснований иерархии [1; 15; 19; 20; 37].

Экономическое неравенство — это одна из тех ситуаций, которые угрожают

вере в справедливость [21; 37], а распространены в культуре и поддерживаемые искусством стереотипы о том, что богатые страдают, а бедные могут быть счастливы, способствуют, как показали исследования [25; 26], повышению удовлетворенности системой и оценке реальности как справедливой, что согласуется с данными о большей выраженности комплементарных стереотипов богатых и бедных в странах с большим экономическим неравенством [20].

А. Кей и Дж. Джост подчеркивают, что транслируемые культурой примеры КС «бедных, но счастливых» и «богатых, но несчастных» выполняют паллиативную функцию, увеличивая субъективную уверенность в легитимности и справедливости системы независимо от того, насколько такие образы считаются реальными [25; 26]. Представленность КС в культуре обеспечивает их большую когнитивную доступность, позволяя, как предполагается, рассматривать их как типичные и с большей вероятностью опираться на них в построении картины мира. Вместе с тем опосредованность влияния актуализации КС на оценку мира как справедливого субъективной оценкой КС как типичных и начальным уровнем веры в справедливость остается слабо изученной.

И вера в справедливость, и КС представляют собой когнитивные искажения, отражающие общую склонность людей оценивать актуальную социальную реальность более позитивно. Это позволяет предполагать прямую связь между оценкой КС как типичных, с одной стороны, и верой в справедливость как для себя, так и для всех — с другой. В этом случае КС как рациональная стратегия сохранения терпимости к иерархии может сочетаться и с другой рациональной стратегией, включающей в себя активное изменение

реальности, в том числе и за счет участия в благотворительности.

На отечественном материале личностные особенности людей, занимающихся благотворительностью, остаются слабо изученными, но исследования [3; 4; 7] подтверждают, что сотрудники НКО, организаций, не имеющих извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющих прибыль (если она была получена) между участниками, отличаются более сильной выраженностью альтруистических мотивов по сравнению с сотрудниками КО. Разумеется, сотрудники других организаций, в том числе занятые коммерцией, могут принимать участие в благотворительной деятельности в свободное время, оказывать разного рода помощь нуждающимся по собственной инициативе. Но можно предположить, что имеющие большой опыт благотворительности сотрудники НКО должны больше верить в возможность помочь жертвам неблагоприятных обстоятельств и иметь более высокую веру в справедливость мира. Это позволяет предполагать, что сотрудники НКО будут считать КС типичными и вне ситуации актуализации КС, и в этом случае чтение текстов про счастливых бедных и несчастных богатых не будет вносить значимых изменений в сложившуюся у них картину мира и увеличивать веру в справедливость. А у людей, не занятых в благотворительности, будет наблюдаться эффект, описанный А. Кеем и Дж. Джостом, и актуализация КС будет увеличивать у них веру в справедливость мира, но в той степени, в которой они готовы считать такие образы типичными.

Хотя $ВСМ_{личн}$ и $ВСМ_{общ}$ различаются по характеру связи с проявлениями альтруизма и сочувствия пострадавшим, оба фактора положительно коррелируют

друг с другом, что позволяет предполагать общий характер связи с типичностью КС и НКС, а также изменений при актуализации КС и НКС.

Общая гипотеза. Комплементарные стереотипы способствуют оценке мира как справедливого в той степени, в которой они оцениваются как типичные.

Гипотезы. 1. У сотрудников некоммерческих организаций в сфере благотворительности уровень $ВСМ_{личн}$ выше, чем у сотрудников коммерческих организаций. Различия в уровне $ВСМ_{общ}$ не значимы.

2. Сотрудники НКО оценивают комплементарные стереотипы как более типичные, чем некомплементарные, а сотрудники КО оценивают некомплементарные как более типичные, чем комплементарные.

3. После актуализации комплементарных стереотипов у сотрудников коммерческих организаций уровень обеих шкал $ВСМ$ повышается относительно уровня без воздействия, а после воздействия некомплементарных остается без изменения. У сотрудников коммерческих организаций уровень обеих шкал $ВСМ$ снижается после воздействия некомплементарных стереотипов, оставаясь без изменения после воздействия комплементарных.

4. Существуют положительная корреляция между уровнем обеих шкал $ВСМ$ и оценкой типичности комплементарных стереотипов и отрицательная корреляция между шкалами $ВСМ$ и оценкой типичности некомплементарных стереотипов.

5. Оценка типичности комплементарных стереотипов вносит прямой вклад в уровень обеих шкал $ВСМ$, а оценка типичности некомплементарных — обратный, вклад места работы респондентов не значим.

Методы

Выборку составили 260 человек, из них 130 сотрудников НКО (65 женщин), 130 — КО (65 женщин). Возраст респондентов — от 18 до 57 лет, средний — 35 лет. Все проработали в организациях либо были вовлечены в деятельность, которую осуществляет организация, больше 3-х лет (в случае с НКО — занимались благотворительностью на постоянной основе). Респонденты откликнулись на просьбу помочь в сборе материала для написания магистерской диссертации одного из авторов, вознаграждения не использовались.

И сотрудники НКО, и сотрудники КО были разделены на 3 равные группы, уравненные по полу и возрасту посредством попарного уравнивания. Первая группа перед заполнением опросника на определение уровня ВСМ читала тексты, содержащие КС, вторая — тексты, содержащие НКС, а третья только заполняла опросник.

В качестве зависимой переменной выступал уровень обеих шкал ВСМ, в качестве инструктивной независимой — условия заполнения опросника ВСМ — после чтения текстов и без чтения текстов. В качестве субъектной переменной в эксперименте учитывалось место работы респондентов. Относительный вклад места работы и субъективной оценки типичности образов в выраженность шкал ВСМ оценивался в регрессионном анализе.

Тексты для предъявления респондентам: «Михаил и Александр учились в одном классе. Отец Александра был директором фабрики, потом ее приватизировал, затем успешно продал, вложил деньги в следующий бизнес, и вся семья переехала в Москву. Отец Михаила работал на этой фабрике, но после того, как та была продана, последовало сокращение,

и он вынужден был пойти разнорабочим на стройку. Александр закончил одну из лучших школ Москвы, продолжил образование за границей и, вернувшись, стал работать в фирме отца на должности одного из топ-менеджеров. У Александра большая квартира на Патриарших и дом в Испании, хороший автомобиль с личным водителем, несколько раз в год он отдыхает на самых дорогих курортах». **Текст, содержащий КС:** «Однако Александр чувствует себя одиноким и несчастным. Он женат, но отношения с женой достаточно холодные, он сомневается в ее верности. Детям от него нужны только деньги, и они его не уважают. Отношения с друзьями поверхностные, и он уверен, что если у него возникнут серьезные проблемы, то обратиться будет не к кому». **Текст, содержащий НКС:** «Александр чувствует себя счастливым человеком. У него любящая жена и близкие отношения с детьми, в семье всегда комфортно и спокойно. Друзья знают его как надежного и верного человека, и Александр уверен, что случись с ним какие-нибудь неприятности, друзья тоже обязательно ему помогут».

«Михаил закончил школу в родном городе, но, так как семье нужны были деньги, не стал поступать в институт и сразу пошел работать на автомойку, где работает и сейчас. Он живет в маленькой квартире, доставшейся от бабушки, отдыхает на даче. Его зарплаты едва хватает на закрытие основных потребностей, на крупные покупки ему необходимо копить долгое время или брать кредит, семье приходится постоянно экономить». **Текст, содержащий КС:** «При этом Михаил чувствует себя счастливым человеком. У него любящая жена и близкие отношения с детьми, в семье всегда комфортно и спокойно. Друзья знают его как надежного и верного человека, и Михаил уверен,

что случись с ним какие-нибудь неприятности, друзья тоже обязательно ему помогут». **Текст, содержащий НКС:** «Михаил чувствует себя одиноким и несчастным. Он женат, но отношения с женой достаточно холодные, он сомневается в ее верности. У детей свои интересы, они его не уважают. Отношения с друзьями поверхностные, и он уверен, что если у него возникнут серьезные проблемы, то обратиться будет не к кому».

Виньетки формировались на основе модификации текстов, использованных в статье А. Кея и Дж. Джоста [25], в качестве экспертов выступали 5 человек, имеющих филологическое или психологическое образование, которые оценивали части текстов, описывающих материальное положение персонажей, по шкале «Материальное благополучие» от 1 до 7 баллов и части текстов, содержащих описание персонажей как счастливых или не счастливых, по шкале «Счастье» от 1 до 7 баллов. Средний уровень по шкале «Материальное благополучие» — 6,8 для богатого, 2,6 — для бедного, средний уровень по шкале «Счастье» — 6,6 для счастливого, 2,4 — для несчастного.

Предлагавшаяся инструкция была аналогична инструкции, использованной А. Кеем и Дж. Джостом [25]. Респондентам, читавшим тексты, сообщалось, что они участвуют в исследовании особенностей памяти. Им предстоит прочесть текст, постараться его запомнить для того, чтобы позже ответить на вопросы по тексту о его содержании. Время на чтение текста не регламентировалось и не учитывалось, как и в исходном исследовании А. Кея и Дж. Джоста. Далее респонденты переходили к разделу, содержащему опросник ВСМ, и их просили заполнить его для того, чтобы выдержать паузу перед ответами на вопросы и помочь исследователям собрать статистику

по опроснику. Респондентам из группы, не читавшей текста, сообщалось только о сборе статистики. На следующем этапе после заполнения опросника участникам предлагалось ответить на вопросы, часть из которых имела маскировочный характер и должна была проверить уровень запоминания текста, а последние 2 вопроса позволяли измерить субъективное представление о типичности образов.

1. Почему Александр переехал в Москву?
2. Где работал отец Михаила?
3. Где работает Александр?
4. Где обычно отдыхает Михаил?
5. Какая недвижимость есть у Александра?
6. Где живет Михаил?
7. Насколько то, что написано в тексте про Александра, кажется Вам типичным? (от 1 до 10)
8. Насколько то, что написано в тексте про Михаила, кажется Вам типичным? (от 1 до 10)

Все участники ответили на первые 6 вопросов без ошибок, и их данные были включены в дальнейшую обработку результатов. Общее время участия в исследовании не учитывалось.

Для измерения уровня ВСМ использовалась «Шкала веры в справедливый мир» [5], переведенный и реталидизированный аналог «Belief in a just world scale» [16], включающий в себя 13 утверждений, 7 из них направлены на оценку уровня личной веры в справедливый мир (например: «В моей жизни в целом и целом все происходит справедливо», «В моей жизни несправедливость — скорее исключение, чем правило»), 6 из них направлены на оценку уровня общей веры в справедливый мир (например: «Я считаю, что в целом мир справедлив», «Я убежден, что если человек пережил несправедливость, в будущем это возме-

стится»). В исследовании использовался общий показатель веры в справедливость как сумма баллов по этим двум шкалам. Альфа Кронбаха для шкалы ВСМ по выборке в целом равна 0,95.

Процедура. В исследовании сравнивались уровни ВСМ у двух групп испытуемых, работающих в коммерческих и некоммерческих организациях, при трех условиях: после актуализации КС богатых и бедных, после актуализации НКС и без актуализации и уровня субъективной оценки типичности, затем рассматривался относительный вклад оценки типичности стереотипов, пола, возраста и места работы в выраженность веры в справедливость.

Опрос осуществлялся с помощью платформы Google формы.

Результаты

Результаты обрабатывались в статистической программе Statistica 12.

Для проверки гипотезы о большей выраженности $ВСМ_{личн}$ у сотрудников НКО, чем у сотрудников КО, и отсутствия различий в выраженности $ВСМ_{общ}$ была использована подвыборка респон-

дентов, участвовавших в условиях заполнения опросника без чтения текстов. Результаты сравнения, приведенные в табл. 1, показывают, что гипотеза подтвердилась частично, у сотрудников НКО ВСМ показатели по обеим шкалам ВСМ значимо выше, чем у сотрудников КО, что частично подтверждает гипотезу.

Для проверки гипотезы о различии типичности образов КС и НКС у сотрудников КО и НКО была использована подвыборка, читавшая тексты. Результаты, представленные в табл. 2, показали, что в целом по выборке образ несчастного богатого оценивается как более типичный, чем счастливого богатого, а различия в типичности счастливого и несчастного бедного не значимы. Сотрудниками НКО КС богатого и бедного оцениваются как значимо более типичные, чем образы НКС, а у сотрудников КО различия в образах типичности КС и НКС не значимы.

Для проверки гипотезы о связи оценки типичности комплементарных и некомплементарных стереотипов с уровнем ВСМ был использован корреляционный анализ по критерию Спирмена.

Результаты показали, что в целом по выборке при актуализации комплемен-

Таблица 1
Оценка выраженности $ВСМ_{общ}$ и $ВСМ_{личн}$ у респондентов в условиях без текста

Шкалы веры в справедливый мир	Коммерческие организации		Некоммерческие организации		Различие по критерию Манна-Уитни
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение	
Вера в справедливый мир общая	40,225	12,462	57,025	10,558	246,0***
Вера в справедливый мир личная	21,700	7,276	28,675	6,364	355,5***

Примечания: *** – $p < 0,001$, ** – $p < 0,01$, * – $p < 0,05$, значения p приведены с поправкой Бонферрони.

Таблица 2

Оценка типичности комплементарных и некомплементарных образов

Респонденты	Образы	Комплементарные стереотипы		Некомплементарные стереотипы		Различие по критерию Манна-Уитни
		Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение	
Выборка в целом	Богатый	7,388	2,028	6,175	2,226	3,601***
	Бедный	7,263	2,326	6,575	2,396	1,841
Некоммерческая организация	Богатый	7,775	1,901	6,225	2,213	481,0**
	Бедный	7,750	2,284	6,325	2,358	525,0*
Коммерческая организация	Богатый	7,000	2,100	6,125	2,267	614,5
	Бедный	6,775	2,293	6,825	2,438	791,0

Примечания: *** – $p < 0,001$, ** – $p < 0,01$, * – $p < 0,05$, значения p приведены с поправкой Бонферрони.

тарных стереотипов $ВСМ_{общ}$ значимо связана с типичностью образа богатого ($r=0,519$, $p=0,000$) и образа бедного ($r=0,516$, $p=0,000$). У сотрудников НКО в этой ситуации $ВСМ_{общ}$ прямо связана с типичностью образа бедного ($r=0,444$, $p=0,004$) и образа богатого ($r=0,495$, $p=0,001$), у сотрудников КО – с типичностью образа бедного ($r=0,502$, $p=0,001$) и образа богатого ($r=0,529$, $p=0,000$). Связи с $ВСМ_{личн}$ во всех случаях не значимы, связи типичности некомплементарных стереотипов с верой в справедливость не значимы. Значения приведены с учетом поправки Бонферрони.

Для проверки гипотезы о влиянии условий заполнения опросника $ВСМ$ на уровень веры в справедливость был использован дисперсионный анализ. Тест Левена показал гомогенность групп и корректность дисперсионного анализа по выборке в целом и отдельно для сотрудников НКО и КО для всех использованных вариантов анализа.

В подвыборке, читавшей тексты, без учета вклада места работы респондентов, вклад типа текста оказывает значимое влияние на уровень $ВСМ_{общ}$ ($F=15,293$, $\eta=0,089$, $p < 0,001$) и на уровень $ВСМ_{личн}$

($F=14,206$, $\eta=0,082$, $p < 0,001$). Уровень обеих шкал $ВСМ$ после актуализации КС значимо выше, чем после актуализации НКС, что соответствует результатам, полученным в исследованиях А. Кея и Дж. Джоста [25].

Двухфакторный дисперсионный анализ зависимости уровня $ВСМ_{общ}$ от места работы респондентов и условий заполнения опросника по выборке в целом показал, что вклад места работы значим ($F=20,662$, $\eta=0,081$, $p < 0,001$), вклад условий заполнения значим ($F=8,808$, $\eta=0,070$, $p < 0,001$), взаимодействие факторов значимо ($F=9,470$, $\eta=0,075$, $p < 0,001$). Анализ вкладов условий заполнения и типа организации в уровень $ВСМ_{личн}$ показал, что вклад типа текста значим ($F=8,180$, $\eta=0,065$, $p < 0,001$), типа организации – значим ($F=15,357$, $\eta=0,062$, $p=0,000$, $p < 0,001$), взаимодействие факторов значимо ($F=3,709$, $\eta=0,0340$, $p < 0,05$).

Однако, как можно увидеть на рисунке, актуализация КС и НКС оказывает различное действие на уровень шкал $ВСМ$ у респондентов из разных организаций.

У сотрудников НКО после актуализации КС и уровень $ВСМ_{общ}$ ($F=13,587$,

$\eta=0,148$, $p<0,001$), и уровень $VCM_{личн}$ ($F=14,325$, $\eta=0,155$, $p<0,001$) значимо выше, чем после актуализации некомплементарных стереотипов, а уровень и $VCM_{общ}$ ($F=31,161$, $\eta=0,285$, $p<0,001$), и $VCM_{личн}$ ($F=10,321$, $\eta=0,116$, $p<0,001$) значимо выше после предъявления КС, чем в ситуации заполнения без текста. Но уровни обеих шкал VCM после актуализации КС не отличаются от уровня заполнения опросника без чтения текста.

У сотрудников КО актуализация КС несколько увеличивает уровень $VCM_{общ}$

($F=3,444$, $\eta=0,041$, $p=0,067$) и $VCM_{личн}$ ($F=3,202$, $\eta=0,039$, $p=0,077$), в обоих случаях не достигая уровня значимости. Но после актуализации КС уровень и $VCM_{общ}$ ($F=6,036$, $\eta=0,072$, $p<0,05$), и $VCM_{личн}$ ($F=7,096$, $\eta=0,083$, $p<0,001$) значимо выше, чем в ситуации заполнения опросника без текста. При этом актуализация НКС не изменит уровень обеих шкал VCM по отношению к заполнению без чтения текста.

Результаты дисперсионного анализа показывают, что характер текстов оказы-

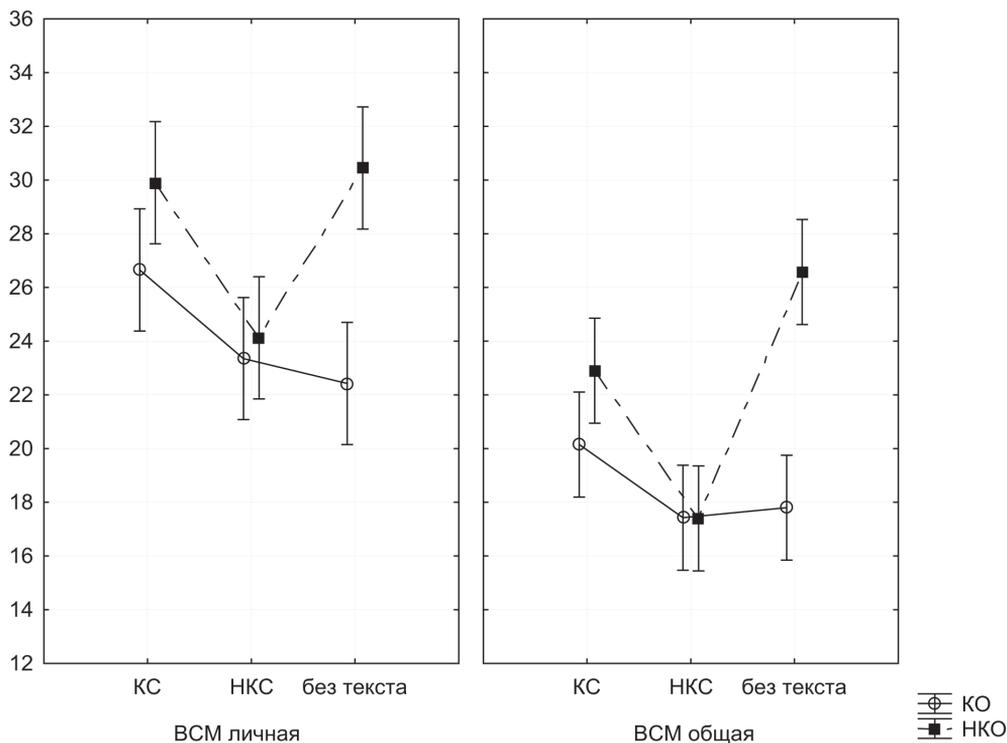

Рис. Уровень веры в справедливый мир личной и веры в справедливый мир общей у сотрудников коммерческих и некоммерческих организаций при разных условиях измерения: $VCM_{личн}$ — вера в справедливый мир личная; $VCM_{общ}$ — вера в справедливый мир общая; КС — после чтения текста, содержащего некомплементарные стереотипы; НКС — после чтения текста, содержащего комплементарные стереотипы; КО — коммерческие организации; НКО — некоммерческие организации

вает различное влияние на уровень обеих шкал ВСМ у сотрудников КО и НКО по отношению к фоновому уровню, что поддтверждает 4-ю гипотезу.

Для проверки гипотезы о вкладе оценки типичности образов КС и НКС в уровень $ВСМ_{общ}$ и $ВСМ_{личн}$ был использован регрессионный анализ, в который в качестве предикторов были включены пол, возраст, место работы респондентов, тип текста и оценка типичности образов богатого и бедного персонажей. Номинативные переменные были закодированы через 0-1. Результаты показали, что в целом по выборке в уровень $ВСМ_{общ}$ вносят вклад типичность образа бедного ($\beta=0,260$, $t=3,511$, $p<0,001$) и тип текста ($\beta=-0,259$, $t=-3,512$, $p<0,001$), $R^2=0,172$. В уровень $ВСМ_{личн}$ вклад вносит только тип текста ($\beta=-0,269$, $t=-3,563$, $p<0,001$), $R^2=0,135$. Вклад места работы не значим.

Регрессионный анализ вкладов оценки пола, возраста, места работы и типичности образов богатого и бедного в уровень $ВСМ_{общ}$ и $ВСМ_{личн}$ при актуализации КС и НКС отдельно показал, что при актуализации КС в уровень $ВСМ_{общ}$ значимый вклад вносит типичность образов бедного ($\beta=0,334$, $t=2,782$, $p<0,01$) и богатого ($\beta=0,317$, $t=2,652$, $p<0,01$), что объясняет 35% дисперсии. Вклад места работы, как и предполагалось, не значим. Уровень $ВСМ_{личн}$ при актуализации КС не предсказывается ни одним из рассмотренных предикторов. При актуализации НКС ни один из рассмотренных предикторов не вносит значимого вклада ни в уровень $ВСМ_{личн}$, ни в уровень $ВСМ_{общ}$.

Обсуждение результатов

Анализ полученных результатов показал, что в целом по выборке актуализация КС способствует оценке мира как

справедливого в той степени, в которой эти стереотипы оцениваются как типичные, что соответствует общей гипотезе.

Сотрудники благотворительных организаций обладают большей верой и в справедливость для всех, и в справедливость для себя, чем сотрудники коммерческих организаций, что частично подтверждает первую гипотезу. Люди, верящие в справедливость мира, чаще занимаются благотворительностью на постоянной основе, что соответствует данным о прямой связи $ВСМ_{личн}$ с альтруизмом, но уточняет данные о связи участия в благотворительности с $ВСМ_{общ}$. Полученные результаты не позволяют говорить о направленности связи. Возможно, люди с изначально большей верой в справедливость выбирают в качестве постоянной деятельности благотворительность, а возможно, опыт собственной действенной помощи другим и знакомство с широким кругом лиц, откликающихся на просьбы о помощи, способствуют формированию более высокого уровня веры в справедливость мира для себя и для всех.

Вторая гипотеза подтвердилась тоже частично. В целом по выборке более типичным выглядит образ несчастного, чем счастливого богатого, а типичность счастливого бедного не значимо отличается от типичности несчастного бедного. Люди верят в страдания богатых больше, чем в счастье бедных. Сотрудники НКО оценивают образы КС как значимо более типичные, чем образы НКС, а различия в типичности КС и НКС образов у сотрудников КО не значимы, что позволяет предполагать у них меньшую склонность к идеализации реальности. Можно предположить, что если несчастные богатые знакомы респондентам в большей части по образам массовой культуры, использующей КС, то представление о счастье

или несчастье бедных скорее опирается на реальность, и это не позволяет сотрудникам КО считать, что счастливые бедные — это более типичное явление, чем несчастные бедные.

Третья гипотеза была поддержана также только частично. В целом по выборке различия в уровне обеих шкал ВСМ после актуализации КС значимо выше, чем после актуализации НКС, что соответствует результатам, полученным А. Кеем и Дж. Джостом [25]. У сотрудников НКО различия в уровне обеих шкал ВСМ при разных условиях заполнения значимо выше после актуализации КС, чем после актуализации НКС, но у сотрудников КО различие по обеим шкалам не достигает уровня значимости. В остальном результаты соответствуют четвертой гипотезе. Сотрудники благотворительных организаций считают КС более типичными, чем НКС, и, как можно предположить, комплементарные стереотипы не противоречат сложившемуся у них образу мира, а их актуализация не вносит изменений в оценку его справедливости, но актуализация НКС веру в справедливость снижает. У сотрудников КО восприятие мира более реалистично и актуализация НКС не влияет на их веру в справедливость, однако и для них образы, в которых богатство компенсируется несчастьем, а бедность — счастьем, повышают уровень обеих шкал ВСМ, хотя и не достигая уровня значимости. Это подтверждает положение А. Кея и Дж. Джоста о том, что транслируемые массовой культурой образы счастливых бедных и несчастных богатых поднимают веру в справедливость, даже если не считать их реалистичными.

Не значимое повышение уровня обоих аспектов ВСМ после воздействия КС у сотрудников КО требует дальнейшего изучения. Оно может быть связано как

с небольшим объемом выборки, и при расширении выборки результаты воздействия комплементарных образов на ВСМ будут скорректированы, так и может отражать культурную специфику. Метаанализ исследований, проведенный А. Чихоской и Дж. Джостом, показывает, что для жителей постсоветского пространства Восточной Европы характерен меньший уровень веры в справедливость, чем для жителей Западной Европы и Америки, стран с большим временем существования капитализма [14], и, возможно, большая устойчивость к воздействию КС, что необходимо проверять на больших выборках с учетом большего количества опосредующих переменных.

Четвертая гипотеза подтвердилась частично. В целом по выборке только ВСМ_{общ} прямо связана с типичностью КС. Дополнительные стереотипы поддерживают веру в справедливость для всех, не затрагивая представлений о справедливом для себя лично мире. Иллюзия того, что блага распределены равномерно и никто не получает всего, с меньшей критичностью принимается, когда речь идет о других, а не о собственной жизни. Связь типичности НКС со шкалами ВСМ не значима.

Результаты регрессионного анализа показали, что независимо от места работы респондентов представления о типичности КС и бедного, и богатого вносят прямой вклад только в уровень ВСМ_{общ}, как предполагалось в пятой гипотезе, а вклад типичности НКС во всех случаях не значим, что выдвинутого предположения не подтверждает. Вера в справедливость для всех поддерживается как утешением малоимущих, потому что «не в деньгах счастье», так и в несколько меньшей степени снижением зависти к обладателям материальных благ, так как

«богатые тоже плачут», не затрагивая веру в справедливость для себя лично. Уровень согласия с тем, что обычно богатые счастливы, а бедные несчастны, веру в справедливость не снижает и не увеличивает. Возможно, что так как НКС меньше распространены в культуре, то оценка типичности счастливых богатых и несчастных бедных осуществляется с опорой на собственный бытовой опыт и в меньшей степени связана со склонностью к использованию иллюзий, в том числе и иллюзии справедливости.

Полученные данные позволяют говорить об асимметрии связи оценки типичности дополнительных и дополнительных стереотипов с верой в справедливость. Если ВСМ и оценка типичности КС выступают как работающие в одном направлении когнитивные искажения, поддерживающие иллюзию справедливого мира, то оценка типичности некомплементарных стереотипов происходит независимо от уровня ВСМ.

Полученные результаты требуют проверки на воспроизводимость на больших выборках и с учетом большего количества опосредующих факторов. Различия связей типичности КС бедных и богатых с уровнем ВСМ нуждаются в дополнительном изучении.

Отдельным направлением должно стать изучение представлений о типичности КС и НКС, факторов, связанных с оценкой КС и НКС как типичных, условий формирования и функционирования дополнительных и дополнительных стереотипов.

Заключение

Респонденты, занимающиеся благотворительностью на постоянной основе, демонстрируют более высокий уровень

веры в общую и личную справедливость и оценивают КС как более типичные, чем респонденты, чья деятельность с благотворительностью не связана. Различия в уровне оценки типичности НКС не значимы. Причинно-следственные связи между занятием благотворительностью на постоянной основе и большим уровнем ВСМ и оценкой КС как типичных нуждаются в дополнительном изучении.

Полученные результаты дают возможность говорить о различиях в характере влияния актуализации КС и НКС на уровень обеих шкал ВСМ у сотрудников благотворительных и коммерческих организаций. У людей, занимающихся благотворительностью на постоянной основе, актуализация КС не изменяет уровень обеих шкал ВСМ относительно фонового, но актуализация НКС снижает уровень веры и в общую справедливость, и в справедливость мира для себя. У сотрудников КО актуализация КС повышает уровень обеих шкал ВСМ, а актуализация НКС не вносит изменения в уровень веры в справедливость. Изменение уровня ВСМ происходит, если содержание актуализированных образов противоречит сложившейся картине мира.

Субъективная оценка типичности КС бедного и богатого вносит вклад в уровень $ВСМ_{общ}$ и не вносит вклад в уровень $ВСМ_{лич}$. Результаты соответствуют данным о связи $ВСМ_{общ}$ со склонностью к упрощению представлений о реальности [6] и дополняют представление о функционировании $ВСМ_{общ}$, показывая, что иллюзия справедливого для всех мира может поддерживаться не только унижением жертв, но и представлением о равномерном распределении благ. То, насколько актуализация КС может снижать негативные проявления $ВСМ_{общ}$, препятствуя атрибуции вины жертвам, требует дополнительного изучения. Вме-

сте с тем относительно меньший вклад оценки типичности несчастного богатого, чем счастливого бедного, позволяет предполагать, что вера в справедливость в большей степени связана с надеждой на счастье необеспеченных, чем со злорадством по поводу несчастья богатых.

Оценка типичности НКС происходит независимо от оценки справедливости мира. Анализ этого феномена требует специального изучения. Можно предположить, что по отношению к менее распространенным в культуре стереотипам когнитивные искажения применяются меньше, как это показано в исследовании связи ВСМ с атрибуцией вины типичной и нетипичной жертвы [8].

Ограничения

Небольшой размер выборки требует проверки полученных данных на устойчивость.

В исследовании не учитывалось материальное положение респондентов,

которое, возможно, влияет на оценку типичности предложенных образов и связь оценки их типичности с верой в справедливость. Не учитывались индивидуальные различия в практике благотворительности у сотрудников КО. Дизайн исследования не позволил учесть дифференцированное воздействие КС бедных и богатых на показатели ВСМ, что должно быть предметом следующих исследований.

В исследовании участвовали откликнувшиеся на просьбу одного из авторов добровольцы, не получавшие какого-либо вознаграждения, что, возможно, повлияло на смещенность выборки в сторону большей доброжелательности и эмоциональной отзывчивости участников.

В работе использовались опросниковые методики, в то время как в исходном исследовании А. Кея и Дж. Джоста повышение оценок справедливости мира измерялось тестом неявных ассоциаций, что могло быть причиной незначимого воздействия актуализации КС на показатели ВСМ у сотрудников КО.

Литература

1. Григорьев Д.С. Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 2. С. 215–244. DOI:10.31119/jssa.2020.23.2.9
2. Гулевич О.А., Сариева И.Р. Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 2. С. 74–92. DOI:10.17759/sps.2020110205
3. Иванова Т.Н. Мотивационная основа благотворительности населения: когортные различия // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 1(26). С. 156–160.
4. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 15–22.
5. Нартова-Бочавер С.К., Поддипняк М.Б., Хохлова А.Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых // Клиническая и специальная психология. 2013. № 3. С. 1–14.
6. Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 87–104. DOI:10.17759/sps.2020110407

7. Токарева А.А., Николаева А.А. Специфика мотивации персонала в системе государственной службы и некоммерческой организации // Научный журнал дискурс. 2018. № 7. С. 191–206.
8. Улыбина Е.В., Аббасова С.Э. Гендерные различия в атрибуции вины участникам типичного и нетипичного супружеского насилия // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 3. С. 51–69. DOI:10.17759/sps.2020110304
9. Bartholomaeus J., Strelan P. The adaptive, approach-oriented correlates of belief in a just world for the self: A review of the research // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 151. P. 109485. DOI:10.1016/j.paid.2019.06.028
10. Bègue L. Beliefs in justice and faith in people: Just world, religiosity and interpersonal trust // Personality and Individual Differences. 2002. Vol. 32. № 3. P. 375–382. DOI:10.1016/S0191-8869(00)00224-5
11. Bègue L. Do just-world believers practice private charity? // Journal of Applied Social Psychology. 2014. Vol. 44. № 1. P. 71–76. DOI:10.1111/jasp.12201
12. Bègue L., Charoillaux M., Cochet J., Cury C., De Suremain F. Altruistic behavior and the bidimensional just world belief // The American journal of psychology. 2008. Vol. 121. № 1. P. 47–56. DOI:10.2307/20445443
13. Bierhoff H.W., Klein R., Kramp P. Evidence for the altruistic personality from data on accident research // Journal of personality. 1991. Vol. 59. № 2. P. 263–280. DOI:10.1111/j.1467-6494.1991.tb00776.x
14. Cichocka A., Jost J.T. Stripped of illusions? Exploring system justification processes in capitalist and post-communist societies // International Journal of Psychology. 2014. Vol. 49. № 1. P. 6–29. DOI:10.1002/ijop.12011
15. Cuddy A.J., Fiske S.T., Kwan V.S., Glick P., Demoulin S., Leyens J.P. ... & Htun T.T. Stereotype content model across cultures: Towards universal similarities and some differences // British Journal of Social Psychology. 2009. Vol. 48. № 1. P. 1–33. DOI:10.1348/014466608X314935
16. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // Social Justice Research. 1999. Vol. 12. № 2. P. 79–98. DOI:10.1023/A:1022091609047
17. DePalma M., Madey S.F., Tillman T.C., Wheeler J. Perceived patient responsibility and belief in a just world affect helping // Basic and Applied Social Psychology. 1999. Vol. 21. № 2. P. 131–137. DOI:10.1207/S15324834BA210205
18. Durante F., Fiske S.T. How social-class stereotypes maintain inequality // Current opinion in psychology. 2017. Vol. 18. P. 43–48. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.07.033
19. Durante F., Tablante C.B., Fiske S.T. Poor but warm, rich but cold (and competent): Social classes in the stereotype content model // Journal of Social Issues. 2017. Vol. 73. № 1. P. 138–157.
20. Durante F., Fiske S.T., Gelfand M.J., Crippa F., Suttora C., Stillwell A. ... & Teymoori A. Ambivalent stereotypes link to peace, conflict, and inequality across 38 nations // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2017. Vol. 114. № 4. P. 669–674. DOI:10.1111/josi.12208
21. Fiske S.T., Durante F. Mutual status stereotypes maintain inequality // The Social Psychology of Inequality. Springer, Cham, 2019. P. 335–348. DOI:10.1007/978-3-030-28856-3_21
22. Fiske S.T., Cuddy A., Glick P., Xu J. A model of (often mixed) stereotype content: competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // Journal of personality and social psychology. 2002. Vol. 82. № 6. P. 878–902. DOI:10.1037/0022-3514.82.6.878
23. Hafer C.L., Sutton R. Belief in a just world // Handbook of social justice theory and research. Springer, New York, NY, 2016. P. 145–160. DOI:10.1007/978-1-4939-3216-0_8
24. Jost J.T. A quarter century of system justification theory: Questions, answers, criticisms, and societal applications // British Journal of Social Psychology. 2019. Vol. 58. № 2. P. 263–314. DOI:10.1111/bjso.12297

25. Kay A.C., Jost J.T. Complementary justice: effects of "poor but happy" and "poor but honest" stereotype exemplars on system justification and implicit activation of the justice motive // *Journal of personality and social psychology*. 2003. Vol. 85. № 5. P. 823–837. DOI:10.1037/0022-3514.85.5.823
26. Kay A.C., Jost J.T., Young S. Victim derogation and victim enhancement as alternate routes to system justification // *Psychological Science*. 2005. Vol. 16. № 3. P. 240–246. DOI:10.1111/j.0956-7976.2005.00810.x
27. Lerner M.J. The belief in a just world // *The Belief in a just World*. Springer, Boston, MA, 1980. P. 9–30.
28. Lerner M.J. The justice motive: Some hypotheses as to its origins and forms // *Journal of personality*. 1977. Vol. 45. № 1. P. 1–52. DOI:10.1111/j.1467-6494.1977.tb00591.x
29. Lerner M.J., Clayton S. Justice and self-interest: Two fundamental motives. Cambridge University Press, 2011. 280 p.
30. Lipkusa I.M., Dalbert C., Siegler I.C. The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol. 22. № 7. P. 666–677. DOI:10.1177/0146167296227002
31. Nartova-Bochaver S., Donat M., Rüprich C. Subjective well-being from a just-world perspective: A multi-dimensional approach in a student sample // *Frontiers in psychology*. 2019. Vol. 10. P. 1739. DOI:10.3389/fpsyg.2019.01739
32. Nartova-Bochaver S., Donat M., Astanina N., Rüprich C. Russian adaptations of General and Personal Belief in a Just World Scales: Validation and psychometric properties // *Social Justice Research*. 2018. Vol. 31. № 1. P. 61–84. DOI:10.1007/s11211-017-0302-5
33. Nudelman G., Otto K. Personal Belief in a Just World and Conscientiousness: A meta-analysis, facet-level examination, and mediation model // *British Journal of Psychology*. 2021. Vol. 112. № 1. P. 92–119. DOI:10.1111/bjop.12438
34. Rubin Z., Peplau A. Belief in a Just World and Reactions to Another's Lot: A Study of Participants in the National Draft Lottery 1 // *Journal of Social Issues*. 1973. Vol. 29. № 4. P. 73–93. DOI:10.1111/j.1540-4560.1973.tb00104.x
35. Schindler S., Wenzel K., Dobiosch S., Reinhard M.A. The role of belief in a just world for (dis) honest behavior // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 142. P. 72–78. DOI:10.1016/j.paid.2019.01.037
36. Strelan P., Callisto J. Good outcomes are more likely for me than you – Especially in a just world // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 163. P. 110033. DOI:10.1016/j.paid.2020.110033
37. Wu S.J., Bai X., Fiske S.T. Admired rich or resented rich? How two cultures vary in envy // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2018. Vol. 49. № 7. P. 1114–1143. DOI:10.1177/0022022118774943

References

1. Grigor'ev D.S. Model' soderzhaniya stereotipov i etnicheskie stereotipy v Rossii [The stereotype content model and ethnic stereotypes in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2020. Vol. 23, no. 2, pp. 215–244. DOI:10.31119/jssa.2020.23.2.9 (In Russ.).
2. Gulevich O.A., Sariyeva I.R. Sotsial'nye verovaniya, politicheskoe doverie i gotovnost' k politicheskomu povedeniyu: sravnenie Rossii i Ukrainy [Social beliefs, political trust and readiness to participate in political actions: comparison of Russia and Ukraine]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 74–92. DOI:10.17759/sps.2020110205 (In Russ.).
3. Ivanova T.N. Motivatsionnaya osnova blagotvoritel'nosti naseleniya: kogortnye razlichiya [Motivational basis of population charity: cogort differences]. *Azimet nauchnykh issledovaniy*:

- ekonomika i upravlenie = Azimuth of scientific research: economics and administration*, 2019. Vol. 8, no. 1(26), pp. 156–160. (In Russ.).
4. Kudrinskaya L.A. Dobrovol'cheskii trud: sushchnost', funktsii, spetsifika [Volunteers' labor: essence, functions, specifics political sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2006, no. 5, pp. 15–22. (In Russ.).
 5. Nartova-Bochaver S.K., Podlipnyak M.B., Khokhlova A.Yu. Vera v spravedlivyi mir i psikhologicheskoe blagopoluchie u glukhikh i slyshashchikh podrostkov i vzroslykh [Belief in a just world and mental well-being in deaf and hearing youth and adults]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2013, no. 3, pp. 1–14. (In Russ.).
 6. Nestik T.A., Deineka O.S., Maksimenko A.A. Sotsial'no-psikhologicheskie predposylki very v konspirologicheskie teorii proiskhozhdeniya COVID-19 i вовлеченност' v setevye kommunikatsii [Socio-Psychological Predictors of Belief in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Social Media]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 87–104. DOI:10.17759/sps.2020110407 (In Russ.).
 7. Tokareva A.A., Nikolaeva A.A. Spetsifika motivatsii personala v sisteme gosudarstvennoi sluzhby i nekommercheskoi organizatsii [The specifics of staff motivation in the civil service and non-profit organization]. *Nauchnyi zhurnal diskurs = Discourse*, 2018, no. 7, pp. 191–206. (In Russ.).
 8. Ulybina E.V., Abbasova S.E. Gendernye razlichiya v atributsii viny uchastnikam tipichnogo i netipichnogo supruzheskogo nasiliya [Gender differences in attribution of guilt to the participants of typical and atypical marital violence scenarios]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 51–69. DOI:10.17759/sps.2020110304 (In Russ.).
 9. Bartholomaeus J., Strelan P. The adaptive, approach-oriented correlates of belief in a just world for the self: A review of the research. *Personality and Individual Differences*, 2019. Vol. 151, pp. 109485. DOI:10.1016/j.paid.2019.06.028
 10. Bègue L. Beliefs in justice and faith in people: Just world, religiosity and interpersonal trust. *Personality and Individual Differences*, 2002. Vol. 32, no. 3, pp. 375–382. DOI:10.1016/S0191-8869(00)00224-5
 11. Bègue L. Do just-world believers practice private charity? *Journal of Applied Social Psychology*, 2014. Vol. 44, no. 1, pp. 71–76. DOI:10.1111/jasp.12201
 12. Bègue L., Charoillaux M., Cochet J., Cury C., De Suremain F. Altruistic behavior and the bidimensional just world belief. *The American journal of psychology*, 2008. Vol. 121, no. 1, pp. 47–56. DOI:10.2307/20445443
 13. Bierhoff H.W., Klein R., Kramp P. Evidence for the altruistic personality from data on accident research. *Journal of personality*, 1991. Vol. 59, no. 2, pp. 263–280. DOI:10.1111/j.1467-6494.1991.tb00776.x
 14. Cichocka A., Jost J.T. Stripped of illusions? Exploring system justification processes in capitalist and post-communist societies. *International Journal of Psychology*, 2014. Vol. 49, no. 1, pp. 6–29. DOI:10.1002/ijop.12011
 15. Cuddy A.J., Fiske S.T., Kwan V.S., Glick P., Demoulin S., Leyens J.P. ... & Htun T.T. Stereotype content model across cultures: Towards universal similarities and some differences. *British Journal of Social Psychology*, 2009. Vol. 48, no. 1, pp. 1–33. DOI:10.1348/014466608X314935
 16. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity. *Social Justice Research*, 1999. Vol. 12, no. 2, pp. 79–98. DOI:10.1023/A:1022091609047
 17. DePalma M., Madey S.F., Tillman T.C., Wheeler J. Perceived patient responsibility and belief in a just world affect helping. *Basic and Applied Social Psychology*, 1999. Vol. 21, no. 2, pp. 131–137. DOI:10.1207/S15324834BA210205
 18. Durante F., Fiske S.T. How social-class stereotypes maintain inequality. *Current opinion in psychology*, 2017. Vol. 18, pp. 43–48. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.07.033

19. Durante F., Tablante C.B., Fiske S.T. Poor but warm, rich but cold (and competent): Social classes in the stereotype content model. *Journal of Social Issues*, 2017. Vol. 73, no. 1, pp. 138–157. DOI:10.1111/josi.12208
20. Durante F., Fiske S.T., Gelfand M.J., Crippa F., Suttora C., Stillwell A. ... & Teymoori A. Ambivalent stereotypes link to peace, conflict, and inequality across 38 nations. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2017. Vol. 114, no. 4, pp. 669–674.
21. Fiske S.T., Durante F. Mutual status stereotypes maintain inequality. *The Social Psychology of Inequality*. Springer, Cham, 2019, pp. 335–348.
22. Fiske S.T., Cuddy A., Glick P., Xu J. A model of (often mixed) stereotype content: competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of personality and social psychology*, 2002. Vol. 82, no. 6, pp. 878–902. DOI:10.1037/0022-3514.82.6.878
23. Hafer C.L., Sutton R. Belief in a just world. *Handbook of social justice theory and research*. Springer, New York, NY, 2016, pp. 145–160. DOI:10.1007/978-1-4939-3216-0_8
24. Jost J.T. A quarter century of system justification theory: Questions, answers, criticisms, and societal applications. *British Journal of Social Psychology*, 2019. Vol. 58, no. 2, pp. 263–314. DOI:10.1111/bjso.12297
25. Kay A.C., Jost J.T. Complementary justice: effects of “poor but happy” and “poor but honest” stereotype exemplars on system justification and implicit activation of the justice motive. *Journal of personality and social psychology*, 2003. Vol. 85, no. 5, pp. 823–837. DOI:10.1037/0022-3514.85.5.823
26. Kay A.C., Jost J.T., Young S. Victim derogation and victim enhancement as alternate routes to system justification. *Psychological Science*, 2005. Vol. 16, no. 3, pp. 240–246. DOI:10.1111/j.0956-7976.2005.00810.x
27. Lerner M.J. The belief in a just world. *The Belief in a just World*. Springer, Boston, MA, 1980, pp. 9–30.
28. Lerner M.J. The justice motive: Some hypotheses as to its origins and forms. *Journal of personality*, 1977. Vol. 45, no. 1, pp. 1–52. DOI:10.1111/j.1467-6494.1977.tb00591.x
29. Lerner M.J., Clayton S. Justice and self-interest: Two fundamental motives. Cambridge University Press, 2011. 280 p.
30. Lipkusa I.M., Dalbert C., Siegler I.C. The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1996. Vol. 22, no. 7, pp. 666–677. DOI:10.1177/0146167296227002
31. Nartova-Bochaver S., Donat M., Rüprich C. Subjective well-being from a just-world perspective: A multi-dimensional approach in a student sample. *Frontiers in psychology*, 2019. Vol. 10, p. 1739. DOI:10.3389/fpsyg.2019.01739
32. Nartova-Bochaver S., Donat M., Astanina N., Rüprich C. Russian adaptations of General and Personal Belief in a Just World Scales: Validation and psychometric properties. *Social Justice Research*, 2018. Vol. 31, no. 1, pp. 61–84. DOI:10.1007/s11211-017-0302-5
33. Nudelman G., Otto K. Personal Belief in a Just World and Conscientiousness: A meta-analysis, facet-level examination, an. 1d mediation model. *British Journal of Psychology*, 2021. Vol. 112, no. 1, pp. 92–119. DOI:10.1111/bjop.12438
34. Rubin Z., Peplau A. Belief in a Just World and Reactions to Another’s Lot: A Study of Participants in the National Draft Lottery 1. *Journal of Social Issues*, 1973. Vol. 29, no. 4, pp. 73–93. DOI:10.1111/j.1540-4560.1973.tb00104.x
35. Schindler S., Wenzel K., Dobiosch S., Reinhard M.A. The role of belief in a just world for (dis) honest behavior. *Personality and Individual Differences*, 2019. Vol. 142, pp. 72–78. DOI:10.1016/j.paid.2019.01.037
36. Strelan P., Callisto J. Good outcomes are more likely for me than you – Especially in a just world. *Personality and Individual Differences*, 2020. Vol. 163, p. 110033. DOI:10.1016/j.paid.2020.110033

37. Wu S.J., Bai X., Fiske S.T. Admired rich or resented rich? How two cultures vary in envy. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2018. Vol. 49, no. 7, pp. 1114–1143. DOI:10.1177/0022022118774943

Информация об авторах

Улыбина Елена Викторовна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com

Антонова Анастасия Андреевна, ведущий менеджер по обучению, ООО «МЕГАСПОРТ», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3658-6069>, e-mail: anastasiacherbina@gmail.com

Information about the authors

Elena V. Ulybina, Doctor of Psychology, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com

Anastasiya A. Antonova, Lead Training Manager, LLC “MEGASPORT”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3658-6069>, e-mail: anastasiacherbina@gmail.com

Получена 30.10.2020

Received 30.10.2020

Принята в печать 28.01.2022

Accepted 28.01.2022